

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47)

N.B. Алексеева

Череповецкий государственный университет

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В XIX ВЕКЕ: УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАКТИКА

В статье дается представление о традиции паломничества в среде северорусского населения XIX в. Обилие мест поклонения на Русском Севере давало возможность каждому верующему совершать паломничество один раз в год к ближним святыням и раз в жизни сходить к дальним. Подготовка, само «хожение» и возвращение имели свои правила поведения и установления. Люди, совершившие такое путешествие, долгое время находились в центре внимания своих соплеменников и были образцом для подражания.

Паломничество, подвижничество, святые угодники, святые мощи, места поклонения, пожертвования.

На Руси традиция паломничества была воспринята вместе с принятием христианства. «Хожения» по святым местам рассматривались как главное событие в жизни верующих, как подвижничество.

Основными объектами таких путешествий являлись (и являются) места, связанные с духовными подвигами почитаемого святого или нескольких подвижников благочестия. Здесь могли находиться их мощи, личные вещи, чудотворные иконы и др. святыни, соприкасаясь с которыми, верующий человек чувствовал себя причастным к высшим ценностям православия. В перечень таких сокровенных территорий входили монастыри, пустыни, скиты, пещеры, храмы, часовни и т.д.

Наиболее сильными, в духовном смысле, в народе считались святые мощи. По определениюprotoиерея Евгения Касаткина, «мощами называются останки святых, сохранившиеся полностью или частично. Церковь чтит как кости, так и нетленные тела святых, одинаково именуемые мощами. Это наименование останков святых означает мощь, силу, сверхъестественное проявление ввиду их причастности Божией Благодати. Церковный историк Голубинский приводит примеры нетленных (Александр Свирский), тленных (Серафим Саровский) и частично нетленных (Дмитрий Ростовский) мощей. Известны случаи и естественного нетления мумификации тел, ничего общего со святыми не имеющих» [7, с. 140–141].

Если говорить о Русском Севере, то нужно обратить внимание на то обстоятельство, что число «угодников Божиих, в пределах Вологодской епархии почижающихся, прославленных церковью и местно чтимых», по данным Н. Суворова, в конце XIX века насчитывалось 73. Из них одиннадцать было официально канонизировано православной церковью в разное время. Большая часть, «сих святых подвижников веры и благочестия, явились победителями мира в удалении от облазнов мира... – в сане иноческом; пять из

них, на свещнике церкви – в сане епископском; пять достигли почестей вышняго звания, быв некогда на земле сана княжескаго; одиннадцать благоугодили Богу подвигами юродствования Христа ради; семь – украшены венцами мученическими» [2, с. 22].

Здесь уместна характеристика Северного края, данная архиепископом Вологодским, ставшим впоследствии архиепископом Херсонским, Иннокентием: «Когда озираю мысленно паству Вологодскую, то мне кажется, что я из одного духовного рая (Киев), переселился в другой, подобный... ВозрЮ ли на Восток? Там Прокопий Устюжский отводит молитвами своими каменную тучу, висящую над Устюгом; там Феодосий Тотемский среди сланых источников, открывает новый неизсякаемый кладезь соли духовной... Обращусь ли к Западу? Здесь обители Св. Павла Обнорского, Св. Корнилия и Арсения Комельских высятся яко твердыни духовныя в прибежище и оплот воинов Христовых, в отражение врагов видимых и невидимых. Посмотрю ли на Север? Тут, среди волн на скале каменной, вижу несокрушимое всех скал и камней раку святого Благоверного Князя Иоасафа, преподобных Петра и Василия. Приникну ли к Югу? Там почивают... основатели церкви Вологодской – священно-мученики Герасим, Иона и Питирим. Осмотрюсь ли кругом себя? – Се Дмитрий Прилуцкий! Се Галактион Спасокаменский! Се Герасим Киевский! Се Антоний Вологодский!...» [2, с. 10–23].

Обосновываясь на землях Русского Севера, подвижники создавали условия для дальнейшего развития духовных центров в этих местах. Православный ландшафт только Белозерского ареала, в конце XIX в. названный Северной Фиваидой, складываясь на протяжении XIII–XX вв., включал целый архипелаг обителей, локализованных на сравнительно небольшой территории, и представлял собой органичную, хотя и довольно разветвленную монастырскую систему. Наиболее интенсивные «волны» монастырской коло-

низации Заволжской Руси приходятся на конец XIV века (Череповецкий Воскресенский, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов монастыри), XV век (Нило-Сорская, Ворбозомская пустыни и т.д.) и XVI столетие (Кирилло-Новоезерский монастырь, Филиппо-Ирапская, Иродионово-Илоезерская пустыни, Горицкий Воскресенский монастырь, Покровский Шухтовский монастырь и др.).

В следующие века число основанных здесь монастырей было не столь активным, но в крае было учреждено более 30 иноческих общин [9, с. 143].

По мнению С.В. Третьяковой, к началу обозначенного периода в храмах функционирующих и некогда упраздненных белозерских монастырей находились святые мощи их родоначальников и восприемников: в Кирилло-Белозерском монастыре – мощи святого основоположника Кирилла Белозерского (+1427; память – 9 июня); в Ферапонтовской обители – мощи преподобного Мартиниана Белозерского (+ 1483; память 12 января, 7 октября); в Нило-Сорской пустыни – преподобного Нила Сорского (+1508; память – 7 мая); в Кирилло-Новоезерской единственно открыто покоились нетленные мощи Кирилла Новоезерского (+1532; память – 4 февраля, 7 ноября); в Красноборской Свято-Троицкой Филиппо-Ирапской пустыни – преподобного Филиппа Ирапского (+1527; память 14 ноября).

Мощи некоторых святых угодников оставались в местах упраздненных и преобразованных в соборные и приходские храмы монастырей и пустыней: в Череповецком Воскресенском соборе – мощи преподобных Феодосия (+1382) и Афанасия (железный Посох) (+1392) Череповецких; в Антониевой пустыни на Черных озерах – преподобного Антония Черноезерского (+1598); под спудом церкви Живоначальной Троицы Покровского Шухтовского прихода (Череповецкого уезда) – мощи преподобного Сергия Шухтовского (+1609); в упраздненной Иродионовой Озадской пустыни – Иродион Илоезерский (+ 1541); под спудом каменного храма Благовещенья Святой Богородицы – преподобного Зосимы Ворбозомского (+ около 1550) и др.

Таким образом, в XIX в. в храмах функционирующих и некогда упраздненных белозерских монастырей, основанных в период с XIV по конец XVI веков, находились святые мощи их родоначальников и их восприемников двенадцати преподобных. Вне белозерских пределов погребенным оказался лишь прп. Ферапонт Белозерский. Его мощи были похоронены в Лужицком Можайском монастыре Московской епархии [9, с. 74–80].

Кроме того, С.В. Третьякова указывает, что предметная среда православного монастыря являла собой целостный свято-мемориальный комплекс, насыщенный разнообразными компонентами. Наиболее значимыми и ценными составляющими надгробных комплексов и сакрально-предметного мира монастырей являлись вещи, почитаемые как свидетели и современники земных подвигов своих владельцев. Из единого комплекса реликвий, например, так или иначе соотносимых с преподобным Кириллом Белозерским, историки выделяют четыре группы священных предметов:

1) личные (келейные) вещи преподобного: овечий тулуп, кожаный пояс с калитой, шерстяной головной убор (фрагмент клобука), деревянный ковш, две медные чаши, деревянный посох, железные вериги и др.;

2) богослужебные предметы: фелонь и стихарь, священные сосуды и др.;

3) памятники письменности: духовное завещание на имя князя Андрея Можайского, комплект книг из келейной библиотеки святого и др.;

4) мемориальные объекты: три деревянных креста, изготовленных по преданию самим Кириллом Белозерским.

Таким образом, вся полнота почитаемой личности могла присутствовать и в объектах, которые со-прикасались с этой личностью. В результате, сакральное пространство монастырей оказывалось насыщенным «реликвиями контакта», которые считались столь же исполненными благодати святого, как и его нетленные останки. Они создавали особый «эффект присутствия» святого и его эпохи, производя неизгладимые впечатления на посетителей [9, с. 88–89].

Рассказы о целительной помощи тех или иных святынь проникали в самые глухие уголки России. О некоторых даже писали в приложениях к епархиальным ведомостям. Например, в 1864 году был описан такой случай чудесного исцеления: «1862 года, Вологодской губернии, Устюгского уезда, Дмитриевской волости, деревни Побоища, крестьянская жена Настасья Васильева объявила, что она в продолжение 12 лет страдала от раны ужасною болью в правой ноге. Услышав о чудесах Преподобного Сильвестра, она с твердою верою в душе положила обет при малейшей возможности идти в село Воскресенское на поклонение Угоднику. В тот же самый час, как принято было такое решение, боль в ноге перестала, рана закрылась и изцеленная отправилась в Воскресенское и прошед 500 верст к мощам Преподобного Сильвестра, благодатию Божию не чувствует в ноге никакой боли» [2, с. 24].

Крестьяне, считая паломничество богоугодным делом, предпочитали проделывать путь пешком, независимо от расстояния и времени года. Особо часто посещались близкие святыни. Их верующие считали своим долгом посетить хотя бы один раз в год. Например, в Вологодском уезде из местных святынь крестьяне особо выделяли мощи Галактиона и Иоасафа Вологодских Чудотворцев, находящихся в Свято-Духовом монастыре в Вологде, и мощи Феодосия Тотемского [8, д. 147, л. 28]. Многие крестьяне Яренского уезда ходили на богослужение по обещанию в Ульяновский монастырь. Отправлялись в Ирту в Спасов день: «Два раза летом собиралось много богомольцев из всех ближайших деревень, которые стояли все-нощно и литургию всю, служили сообща молебен и отдельно перед иконой Спасителя» [6, с. 89].

Однако все же особым почитанием северорусских крестьян пользовались соловецкие угодники Зосима и Савватий. По рассказам крестьян села Покровского Борисовской волости Вологодской губернии, чаще всего ходили на Соловки в случаях незддоровья детей.

Когда решали идти, то «крестьянин шел собирать муку, яйца на соловецких. Напрошеннное продавал и с

этими деньгами отправлялся пешком до Устюга». Там садились на пароход и бесплатно или за умеренную цену плыли в Архангельск, а дальше – «как Бог даст». «По прибытии соловецких богомольцев помещали в гостинице на трое суток, кормили бесплатно и давали на обратную дорогу хлеб» [6, с. 89].

Русский Север отличался обилием мест поклонения, известных не только присутствием мощей св. подвижников. Если взять для примера один только уезд Архангельской губернии – Шенкурский, то в XVIII веке из 99 церквей, находящихся на его территории, в пяти имелись богоявленные и чудотворные иконы, шесть храмов были обетными, а в трех находились мощи св. подвижников, то есть все эти храмы являлись местом постоянных паломничества богомольцев [4, с. 7–200].

Одними из особо чтимых икон в Архангельской епархии были:

- образ Божьей Матери «Всех скорбящих радость» в Топецком приходе, которую, по преданию старожилов, крестьянин Бурмакин, плывущий в Архангельск по Двине, увидел на поверхности воды. Взял ее и поместил в клети своего дома. Слух об этой иконе привлек огромное количество богомольцев, и для того, чтобы она была доступна поклонению каждого приходящего, образ был передан около 1790 года в местную церковь Рождества Христова [4, с. 186–190];

- явленная икона Св. Троицы, находившаяся в Мезенском уезде, Лампоженском приходе. Величиной она была «в 1 вершок, изваянная из меди и впоследствии позолоченная». По преданию, в 1602 году был в этой местности страшный голод и три лампоженских крестьянина поехали для покупки хлеба в Чокольскую волость. Один из них близь деревни Шаймогорской, в стороне от дороги, на только что вытаявшем снегу увидел икону (1 февраля), и привез ее домой. Но после приезда его дочь Акилина вдруг онемела во время ужина. Жена потребовала поставить икону в церкви Св. Георгия и совершила перед ней молебен. После того, как это было выполнено, девочка снова заговорила и по ее желанию «учинили крестное хождение с новоявленной иконою в Заакакурскую церковь Николы Чудотворца и в церковь Рождества Богородицы в Окладниковой слободе». По свидетельству старожилов, никто в ту зиму не умер от голода [4, с. 309–310];

- икона св. Варнавы во Владыченском приходе Печерского уезда. Считалось, что явилась она на дереве крестьянину Вуколу (1539 г.) и исцелила его слепорожденную дочь, давала исцеление многим в разных болезнях. Икону привозили в Новгород архиепископу Макарию, но она опять чудесным образом оказалась на месте [4, с. 88–91];

- древняя храмовая икона Св. Николая, находившаяся в Мудьюжском приходе Архангельского уезда. Без этой иконы не строилась ни одна шхуна, ни один корабль. Перед дальней дорогой или после возвращения из морского плавания крестьяне считали своим долгом помолиться перед ней. К этой иконе с древности был прикреплен четырехконечный серебреный крест, в котором хранились мощи праведного Артемия [4, с. 134].

Шли к святым иконам, родникам, камням и «колодчикам» со святой водой и пр. К дальним святыням ходили не часто – на Соловецкие острова, в Киев, в Троице-Сергиеву лавру, редко – в Иерусалим. На поклонение Фаворским святыням в Святой Земле шли простые паломники как из числа мирян, так и из духовенства. В конце XIX века начали осуществляться групповые паломничества студентов и преподавателей Московской Духовной Академии.

Например, храм на горе Фавор был воздвигнут в большей степени благодаря пожертвованиям из России. Сюда поступала из России церковная утварь, иконы. Многие русские паломники в своих записях сообщали о том, что фаворская церковь Преображения Господня была украшена богатыми иконами в серебренных окладах и почти все они были приношениями русских богомольцев. А. Коровицкий замечал по этому поводу: «Добраться пешком с ничтожными частями средствами на Фавор, чтобы помолиться здесь и оставить свою лепту – разве это не тот же апостольский подвиг?» [1, с. 33–36].

Паломничества, кроме всего прочего, выполняли и коммуникативную функцию. К ним относились с особым уважением, и по возвращении вся деревня собиралась послушать рассказы о путешествии, смотрели принесенные святыни и завидовали близким и родственникам: «Замолил и за них грехи».

Судя по сообщениям, хранящимся в Тенишевском бюро, очень распространены были обетные богомолья. До 1861 года для того чтобы отправиться на богомолье, необходимо было, для начала, направить прошение в консисторию для разрешения его совершить и получения паспорта на это время [3, д. 4662, л. 3, 4, 14; д. 4645, л. 4, 5; д. 4599, л. 6].

Ходили большей частью женщины и девушки, мужчины – реже. На уровне повседневного благочестия женщина выступала в роли наиболее активного носителя духовной традиции, так как жизнь и здоровье членов семьи, благополучное ведение хозяйства были в сфере ее обязанностей. Именно поэтому самые распространенные поводы к совершению паломничества были: неудачное замужество или желание выйти замуж, болезни детей, бесплодие, болезни родственников или собственные, неурядицы со скотиной (необъяснимые смерти, пропажа, болезни, бесплодие).

Ходить старались весной или осенью, перед началом или по завершении страдных работ. Собираясь в дальний путь, выясняли, кто еще идет туда же из своей или ближних деревень. В дороге старались не вести пустых разговоров, не думать о бытовых делах, не злословить [5, с. 17], таким образом на время отрекаясь от мирской жизни. Считалось непристойным ухаживать или заигрывать в пути с противоположным полом, одеваться в одежду ярких цветов.

К святыне обязательно брали пожертвование. Чаще всего предмет, выполнивший эту роль, нес информацию о несчастье, по поводу которого было предпринято «хождение»: «Если голова болит, то повойник носили. У одного сын утонул – он сотенку положил» [10, с. 119]. Иногда обворачивали несколько раз большое место пеленой или полотенцем, предназначенные в жертву и оставляли у святыни.

По мнению Т.Б. Щепанской, «приношения (жертвы) делились на две категории: те, что оставались у святого места и должны были истлеть здесь нетронутые, и те, что предназначались нищим или хранителю святого места. Например, с рек Устьи, Ваги и Кокшеньги ходили по обету в с. Бестужево и водили туда скотину, если заболела. По народным представлениям, нужно было зайти в реку и вода исцелит. Одни давали обет зайти в воду по колено, другие – по пояс, третьи – окунуться с головой, в зависимости от тяжести заболевания. Намокшую одежду снимали и пускали по течению. Если заходили по пояс, то реке доставались штаны и юбки, а если окунались с головой – то вся одежда. А ниже по течению – кто победнее, тот подберет» [10, с. 130–131].

Вещи, относящиеся к первой категории, которые были отданы в качестве милостыни, по обету или находились в святом месте, нельзя было снова использовать, красть, присваивать. Адресат приношений, оставляемых у святого места был один – Бог, а то, что принадлежит Богу, не может быть использовано человеком. Поэтому, ходила масса слухов по поводу неизбежного наказания за подобное нарушение. Одна из таких историй была записана Т.Б. Щепанской у Варлаамьевского колодчика на реке Ваге: «Парень был – так он годов 18-ти или 19-ти. Ходил пастухом. И ковды-то сумел сходить на этот колодчик, да кое-что побрал: там деньги оставляли, платки головные, полотенца. И потом стал выпускать коров – и у него ноги отнялись по самые бедра. Говорят, Господь наказал» [10, с. 137].

Брать здоровому, сильному человеку то, что принадлежало нищему, юродивому, хранителю св. места тоже категорически запрещалось. Все эти люди принадлежали к сакральному миру покаяния. У того же Варлаамьевского колодчика жила когда-то старушка: «Принесут к Варламью-то хозяйки пищу, покушают, а остальное продают. А деньги-то старушке отдавали, Пелагею» (предполагалось скопить на церковь). Однако нашлось два бандита – обманули старушку: «“Дай нам денег, мы в Медлешах церковь откроем”. Деньги взяли, а старушка-то умерла. Одного-то Бог наказал – год лежал... А другой-то в сенях замерз. Наказал Бог!» [10, с. 130].

Кроме всего прочего, каждая святыня имела свой праздник и собирала в эти дни особенно много паломников. В такие дни устраивались угощение из

принесенных ими продуктов. Подаяние нищим в святом месте воспринималось как форма обетного жертвоприношения, притом наиболее эффектная, поэтому нищие всегда собирались в святых местах и особенно по праздникам [10, с. 117].

Возвращаясь из святых мест, паломники обязательно приносили с собой иконы, ладан, кусочки природных материалов (щепки, камешки, землю, песок и др.), славящиеся своими чудотворными целительными свойствами, воду из местных озера, реки, колодчика.

Таким образом, высокая концентрация объектов религиозного поклонения создавала все условия для активной паломнической деятельности на Европейском Севере в XIX в. Богомолья носили подвижнический, часто покаянный характер, при этом выполняя и коммуникативную функцию. В таких условиях складывается традиция поклонения православным святыням (подготовка, поведение в дороге и у святого места, особое внимание соседей после возвращения и т.д.), носящая устойчивый характер среди населения всей территории Русского Севера.

Литература

1. Августин, (Никитин) (архимандрит). Путешествия к святым местам / Августин (Никитин) (архимандрит) // Арсеньевские чтения. – Новгород: Изд-во Новгородского гос. ун-та, 1993.
2. Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. – 1864. – [№ 1–6].
3. Государственный архив Вологодской области. – Ф. 496. – Оп. 1.
4. Архангельская епархия. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии: в 3 вып. – Архангельск, 1895. – Вып. 2.
5. Кремлева, И.А. Обеты в народной жизни / И.А. Кремлева // Живая старина. – 1994. – № 4.
6. Кремлева, И. Храм – за один день / И. Кремлева // Родина. – 1994. – № 11. – С. 86–89.
7. Евгений, (Касаткин) (protoиерей). Русская святость / Евгений (Касаткин) (protoиерей) // Сибирские огни. – 1994. – № 1–2.
8. Российский этнографический музей. – Ф. 7. – Оп. 1.
9. Третьякова, С.В. Основатели монастырей в исторической памяти и религиозном укладе Белозерья (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.): дис. ... канд. ист. наук / Третьякова С.В. – Вологда, 2007.
10. Щепанская, Т.Б. Кризисная сеть / Т.Б. Щепанская // Русский Север. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 110–176.

N.V. Alekseeva

PILGRIMAGE IN THE RUSSIAN NORTH IN THE 19th CENTURY: CIRCUMSTANCES OF FORMATION AND PRACTICE

The paper provides an insight into the tradition of pilgrimages among the Northern Russian population in the nineteenth century. The abundance of places of worship in the Russian North gave an opportunity to every believer to make a pilgrimage to the nearest sacred places once a year, and to go to remote places of worship once in a lifetime. Preparation for the pilgrimage, the trip itself and the return had their own rules of conduct and establishment. People who committed such a journey had long been the centre of attention for their countrymen and a paragon too.

Pilgrimage, asceticism, saints, Holy relics, places of worship, donations.